

● «Когда я окончил среднюю школу, отец сказал, что надо отдать меня во ВГИК. На вопрос мамы — почему во ВГИК, ответил: «А куда его, дурака, еще девать?»

Родился я в Тбилиси. Через год меня привезли в Москву, где и живу по сей день. Отец работал в «Метрострое», а мать — на «Мосфильме». В детстве в Грузию ездил каждое лето, к своей тетушке, актрисе Верико Анджапаридзе. Когда я окончил среднюю школу, отец сказал, что надо отдать меня во ВГИК. На вопрос мамы — почему во ВГИК, ответил: «А куда его, дурака, еще девать?». Во ВГИК я не пошел. Я закончил Архитектурный, потом режиссерские курсы при «Мосфильме» и стал кинорежиссером. Вот и все.

Когда я начну писать третью серию, может быть, мне придет в голову, что и эту, вторую, можно было написать так же коротко. Но пока мне кажется, что читатель что-то потеряет, если не узнает, как мы с Андреем Петровым пели «Я шагаю по Москве», когда были в гостях у итальянских проституток в Риме; как по-черному запил грузин Вань Чень Лунь в Каннах; как я с мокрой задницей и зубами в кармане ехал на лимузине с советским флагом получать чужого «Оскара» и за что Николай II дал кинорежиссеру Сергею Эйзенштейну орден Ленина.

Федор, раздевай!

Думаю, что должен упомянуть и о некоторых привилегиях, которые принесла мне дружба с народным поэтом.

Как-то, в самом начале работы, мы с Гамзатовым и Огневым приехали на моем «Москвиче» в Дом литераторов пообедать. Пока я запирал машину и снимал щетки, чтобы их не украли, Расул и Володя прошли в ресторан. Меня на входе остановила вахтерша:

— Ваше удостоверение. (В Дом литераторов пускали только по членским билетам Союза писателей, а у меня такого не было.)

— Я шофер Расула Гамзатова, — сообразил я и показал щетки.

— Проходите.

Лет через десять, когда приехала итальянская делегация — Софи Лорен, Марчелло Мастроянни, Луиджи де Лауренти, я пригласил их на ужин в ресторан Дома литераторов.

За эти годы я стал узнаваемой личностью: меня несколько раз показывали по телевизору в «Кинопанораме», фотографии мелькали в журнале «Советский экран». И теперь в Доме литераторов меня встречали тепло и сердечно.

Когда мы все вошли в вестибюль, я сказал вахтерше:

— Это итальянские гости. Они со мной.

— Пожалуйста, пожалуйста, очень рады вас видеть! — поприветствовала меня вахтерша.

Я повел гостей к гардеробу. За спиной слышу мужской голос:

— Ты чего это пускаешь, кого попало? Почему членские билеты не спрашиваешь?!

Я обернулся. К вахтерше подошел важный мужчина. (Как выяснилось потом, администратор Дома литераторов.)

— Это не кто попало, это гости вот этого товарища, — вахтерша показала на меня.

— Гражданин, я извиняюсь, вы член Союза писателей? — спросил меня администратор.

— Нет.

— Федор, не раздевай! — дал он команду гардеробщику.

— Сожалею, но у нас только для членов Союза писателей.

Но тут вахтерша поспешно громким шепотом сообщила:

— Это шофер Расула Гамзатовича!

— Что ж ты сразу не сказала?! Здравствуй, дорогой! — администратор крепко пожал мне руку. — Федор, раздевай!

Встреча

— Мжаванадзе твой «Не горой!» видел? — спросил меня директор «Мосфильма» Владимир Николаевич Сурин, когда я его случайно встретил во дворе студии. (Мжаванадзе

был первым секретарем ЦК КП Грузии.)

— Думаю, что нет.

— А можешь ему показать?

Ходы есть?

— Вроде бы есть.

— Бери картину, лети к нему. Если ему фильм понравится, пусть он сообщит об этом нашему министру.

Накануне Сурин показывал фильм министру, и тому «Не горой!» активно не понравился.

— Какая же это комедия, когда там все подряд умирают?! — возмутился он.

— Это не чистая комедия, это трагикомедия, — попробовал объяснить Сурин.

— А тогда почему в начале фильма этот Кикабидзе едет на фиолетовую землю во лягушку? — спросил министр.

Это объяснить Сурин не мог. И мне пришлось лететь в Тбилиси.

В Тбилиси мы с Резо Габриадзе показали фильм Дэви Стуро, секретарю ЦК по идеологии, — Дэви был младшим братом моего приятеля, журналиста Мэлора Стуро.

Стуро-младшему фильм понравился, и он сказал, что завтра, после заседания бюро, вместо обещанной французской комедии он покажет Мжаванадзе и членам бюро наш фильм. (О том, что министр наш фильм забраковал, мы Дэви не сказали: для него это было бы «мнение Москвы».)

Назавтра к шести, как было назначено, мы с Резо явились в ЦК. Заседание все не кончалось, и мы с Резо часа три околачивались возле зала и строили предположения, что может им не понравиться. В итоге у нас получилось, что им может не понравиться всё.

Мжаванадзе и другие члены бюро появились где-то около девяти. Впередишли Дэви и русский генерал-полковник (очевидно, командующий Закавказским военным округом), потом Мжаванадзе и второй секретарь (русский), а за ними тянулись человек восемь усталых грузин весьма почтенного возраста. Дэви представил Мжаванадзе Резо и меня. Василий Павлович поздоровался с нами за руку, а мне сказал:

— Мы же с вами знакомы, Георгий, помните?

Я ответил, что, конечно, помню, и предложил перенести просмотр на завтра, потому что они, очевидно, устали после такого долгого заседания.

— Не надо ничего переносить, фильм веселый, смотрится легко, — сказал Дэви.

— Но это не чистая комедия, — предупредил я, — это трагикомедия.

— Это как? Сначала трагедия, а потом комедия? — спросил Василий Павлович.

— Нет, у них наоборот — сначала весело, а потом грустно, — объяснил Дэви. — Но общее впечатление светлое.

у них нет практики давать телеграммы, но они найдут способ, как сообщить нашему министру о мнении Василия Павловича.

Вова — это Вова

На следующий день мне надо было срочно вылететь в Москву (приемные экзамены на режиссерских курсах). В авиакассе мне сказали, что на сегодня билетов нет. Я показывал свое мосфильмовское удостоверение, говорил, что очень надо, врал, что срываются какие-то важные съемки, мне сочувствовали, но разводили руками: ничем не можем помочь, билетов нет. Тогда я пошел к своей тетушке — Верико Анджапаридзе. Верико сразу же позвонила министру грузинской авиации. Министр авиации сказал, что для племянника самой великой актрисы в мире у него всегда билеты есть. Минут через пятнадцать он перезвонил, извинился и сказал, что сегодня, оказывается, особый день и билетов нет. Билеты есть на завтра, на любой рейс.

Тогда я позвонил в ЦК, Дэви Стуро.

Дэви сказал, что билет — не проблема. Я ему сообщил, что Верико говорила с министром, и тот сказал, что сегодня какой-то особый день и билетов нет.

— Ну министр — это министр, а ЦК — это ЦК.

Через десять минут и Дэви сказал, что билетов на сегодня действительно нет. Особый день.

И я пошел в гостиницу. По дороге зашел в «Воды Лагидзе», выпить вкусной газировки, которую очень люблю, там встретил Вову Мартынова. Вова Мартынов — тбилисский «свой парень», то есть человек, которого знали все и который знал всех. Он спросил по-грузински:

— Что ты такой грустный? Русский Вова говорил со мной только на грузинском, считал, что мне нужна практика.

Я ему сказал о проблеме с билетом.

— Э! Я думал, у тебя действительно что-то случилось! Пойдем и возьмем билет!

— Билетов на сегодня нет.

— Для нас, Гия, билеты у них есть! Пойдем!

Народу в кассе было очень много, к окошку не подойти. Вова, высокий и широкоплечий, снял кепку, вытянул руку с кепкой вверх, приподнялся еще на цыпочках и крикнул на весь зал:

— Нана, это я, Вова! Посмотри сюда! Кепку мою видишь?

— Вижу твою кепку, Вова! Что хочешь?

В Тбилиси было две джинсовые кепки: одна — у Вовы, вторая — у знаменитого футболиста, форварда сборной СССР Давида Кипиани.

— Один билет в Москву на час пятнадцать! — крикнул Вова.

— Паспорт давай! Вова взял у меня паспорт и попросил передать его в кассу.

— Подожди! А деньги? Деньги возьми! — сказал я.

— Деньги я ей отдам, не волнуйся, — сказал Вова. (У меня он денег не взял, когда я начал настаивать, он сочувственно посмотрел на меня и сказал, что я совсем обрусл.)

На самолет я успел. Летел и думал: «Министр — это министр, ЦК — это ЦК, а Вова — это Вова!».

Продолжение следует

Георгий ДАНЕЛИЯ

Тосчуемый пьет до дна

Главы из новой книги.
Они же — эпизоды из второй серии

И мы начали смотреть картину. Самым активным зрителем оказался генерал.

Когда на экране запели песни: «Однажды русский генерал вдоль по Кавказу проезжал, и грузинскую он песню по-мингрельски напевал...», генерал, который сидел в первом ряду, обернулся, взглянул на нас с Резо и сказал: «Ну-ну...».

«Не надо было эту песню петь», — подумал я.

— Напрасно мы эту песню взяли, — шепнул мне на ухо Резо.

Когда на экране появился парикмахер, которого играл Филиппов, генерал спросил:

— Это актер Сергей Филиппов?

— Да, — ответил я.

— Он у вас грузина играет?

— Да.

— Ну-ну.

«Надо было на эту роль грузинского актера взять», — подумал я.

— Не надо было Филиппова брать, — прошептал мне на ухо Резо.

Когда появилась Настя Вертинская, которая играла Мэри, русский генерал снова спросил:

— У вас и Анастасия Вертинская грузинку играет?

— У Анастасии Александровны мама — грузинка, товарищ генерал, — сказал Дэви.

— Дэви успокоился:

— Ну-ну, — повторил генерал.

Мжаванадзе во время просмотра молчал, только один раз, когда убили офицера — жениха Мери, он повернулся ко мне (Дэви посадил нас с Резо прямо за Мжаванадзе) и спросил:

— А теперь будет трагедия?

— Да, еще двое умрут, Василий Павлович, — виновато ответил я и подумал: «Действительно, для веселой картины смертей у нас многовато».

Когда на экране, во время трины, Серго Закариадзе сказал: «Я хочу при жизни знать, что будет говорить обо мне после смерти», — генерал хотнулся, кто-то сзади грустно протянул: «Да-а-а». А Мжаванадзе вздохнул.

«Сталина вспомнили», — подумал я.

— Про Сталина думают, — прошептал Резо.

Фильм закончился, зажегся свет. Все оставались на своих местах и молчали.

— Какие будут мнения? — наконец спросил Мжаванадзе.

— По-моему, неплохой фильм, — твердо сказал Дэви, глядя в упор на генерала.

— Не согласен, — категорически заявил генерал.

— Фильм не неплохой, а хороший! И актеры подобраны замечательные, товарищ Стуро!

Дэви успокоился:

— Я совершенно с вами согласен, товарищ генерал!

— То-то же! — последнее слово генерал оставил за собой.

— Ну что ж, мне кажется, можно поздравить наших гостей с удачной работой, — сказал Мжаванадзе, глядя на второго секретаря.

Тот кивнул. (Второй секретарь во всех республиках Советского Союза был обязательным русским.)

Мжаванадзе встал и пожал нам с Резо руки. И второй секретарь пожал нам руки. И генерал пожал нам руки. А старичок, который сидел рядом со мной и прошел весь фильм на моем плече, поднялся и закричал:

— Дорогие мои, если бы вы знали, как я вами горжусь!

— И горячо поцеловал меня.

— Молодцы! — Он горячо поцеловал Резо. — Дорогой вы наш! — Он хотел было поцеловать и генерала, но тот быстро отклонился, технично увернулся, чувствовалось, что генерал занимается боксом.

Потом Дэви отвел нас в свой кабинет и угостил коньяком. Я поблагодарил его за устроенный просмотр и сказал,

что было бы неплохо, если бы они дали от имени Мжаванадзе телеграмму нашему министру и поздравили его с хорошим фильмом. Министру будет приятно. Дэви сказал, что